

Михеев против России

[Mikheyev – Russia] (№ 77617/01)

Постановление от 26 января 2006 г. [вынесено I Секцией]

Обстоятельства дела

10 сентября 1998 г. заявитель, сотрудник дорожно-постовой службы, и его товарищ Ф. были задержаны и допрошены по поводу исчезновения М.С., девушки-подростка, которую они подвезли на автомобиле заявителя двумя днями ранее. Девушку позже объявили пропавшей.

Заявитель утверждает, что в период содержания его под стражей, его вышестоящий начальник также заставил его подписать рапорт об увольнении из органов внутренних дел, датировав его задним числом. 11 сентября сотрудники милиции провели обыски на квартире заявителя, на его даче, в гараже, а также осмотр его автомобиля и обнаружили три патрона к пистолету в его автомобиле. 12 сентября сотрудники милиции представили в суд «протокол об административном правонарушении», в котором указывалось, что заявитель и Ф. предположительно нарушали общественный порядок. Им было назначено наказание в виде административного ареста сроком на 5 суток.

16 сентября 1998 г. органами внутренних дел было возбуждено уголовное дело по факту обнаружения патронов в автомобиле заявителя. Он был заключен под стражу и переведен в другой изолятор временного содержания – Ленинского районного управления внутренних дел г. Нижнего Новгорода. Там, по словам заявителя, допросы стали проводиться более интенсивно, с применением насилия. Между тем, Ф. дал показания сотрудникам милиции, сообщив, что он видел, как заявитель изнасиловал и убил М.С.

19 сентября 1998 г. заявитель был допрошен в помещении Ленинского районного управления внутренних дел в присутствии нескольких сотрудников милиции и сотрудников прокуратуры, в том числе заместителя прокурора области. Заявитель утверждает, что его подвергли пыткам с целью получения подтверждения признательных показаний Ф., и что сотрудники милиции пытали его разрядами электрического тока через подключенные к его ушным раковинам металлические клеммы, которые были подсоединены проводами к коробке. Заявителю также угрожали жестокими побоями, говорили, что подключат электрический ток к его гениталиям. Заявитель пожаловался заместителю прокурора области на то, что его, заявителя, подвергают жестокому обращению, но тот предположительно никак не отреагировал. Затем, по словам заявителя, он, будучи не в силах выносить пытки и пользуясь тем, что сотрудники милиции на время отошли от него, он выбросился из окна второго этажа здания районного управления внутренних дел, пытаясь покончить с собой. Он упал на мотоцикл, стоявший во дворе здания, и сломал себе позвоночник. Его доставили в больницу, где его мать просила нескольких врачей зафиксировать в истории болезни ожоги на ушных раковинах ее сына. В ее просьбе было отказано.

В тот же день М.С. вернулась домой невредимой, объяснив, что сообщила, что пошла в гости к друзьям, не сообщив об этом своим родителям. Уголовное дело по факту предполагаемого изнасилования и убийства М.С. было впоследствии

прекращено. Однако заявителю затем предъявили обвинение в похищении М.С. В марте 2000 года дело о предполагаемом похищении М.С. было прекращено на том основании, что заявитель отпустил М.С., когда она попросила его об этом. В марте 1999 года уголовное дело о незаконном хранении патронов к пистолету было прекращено на том основании, что на момент обнаружения патронов заявитель, будучи сотрудником милиции, имел право на хранение боеприпасов.

В сентябре 1998 года было начато уголовное расследование в связи с тем, что заявитель выбросился из окна здания районного управления внутренних дел. Однако в декабре 1998 года уголовное дело было прекращено за отсутствием доказательств преступления. В дальнейшем производство по делу прекращалось и возобновлялось несколько раз. В сентябре 2002 года расследование было прекращено прокуратурой с указанием на отсутствие события преступления. Производство по делу затем вновь возобновлялось и прекращалось несколько раз. В октябре 1998 года была проведена судебно-медицинская экспертиза в отношении заявителя; в отчете по результатам экспертизы указывалось, что у заявителя были раны на макушке головы, царапины на лбу и следы укусов на языке. Никаких следов ожогов или следов применения электрического тока зафиксировано не было.

В 2005 году обвинения были предъявлены двум сотрудникам милиции, которые участвовали в допросе заявителя 19 сентября 1998 г. Дело впоследствии было направлено в районный суд, который установил, что сотрудники милиции наносили заявителю удары электрическим током, используя приспособления, подключаемые к его ушам. Будучи не в силах терпеть боль, заявитель пытался совершить самоубийство, выбросившись из окна. 30 ноября 2005 г. сотрудники милиции были признаны виновными в совершении преступления, предусмотренного Уголовным кодексом Российской Федерации (превышение должностных полномочий с применением насилия и с причинением тяжких последствий).

Согласно информации, имеющейся у Европейского Суда, приговор по этому делу еще не вступил в законную силу. Приказ об увольнении заявителя из органов внутренних дел был позже отменен, и он был восстановлен в своей должности. Должностные лица, ответственные за увольнение заявителя задним числом, были привлечены к дисциплинарной ответственности. Однако из-за своей полной инвалидности заявитель вынужден был уволиться из дорожно-постовой службы.

Вопросы права

По поводу статуса заявителя как жертвы нарушения Конвенции. Несмотря на информацию, представленную Европейскому Суду государством-ответчиком, о том, что обвинительный приговор, вынесенный судом в ноябре 2005 года по делу в отношении сотрудников милиции, виновных в жестоком обращении с заявителем, еще не вступил в законную силу и может быть отменен по жалобе осужденных, и хотя суд первой инстанции установил факт жестокого обращения с заявителем, ему не было предоставлено никакого возмещения вреда в этой связи. Кроме того, приговор касался только вопроса о самом жестоком обращении и не исследовал вопрос о предположительных недостатках расследования по делу, что является одним из главных предметов озабоченности заявителя. По этой причине статус заявителя как жертвы нарушения Конвенции не был затронут указанным приговором суда.

По поводу соблюдения требований статьи 3 Конвенции (что касается вопроса об эффективности расследования). Для того чтобы иметь возможность дать оценку жалобы заявителя по существу и ввиду характера выдвинутых им обвинений, Европейский Суд запросил государство-ответчика предоставить ему копии материалов

уголовного дела. Государство-ответчик отказалось сделать это, не представив Суду объяснений по поводу того, каким же образом представление этих запрошенных Судом материалов может негативно отразиться на интересах предварительного расследования или нарушить права и законные интересы участников уголовного судопроизводства. Государство-ответчик также не дало никаких убедительных объяснений по поводу непредставления соответствующих документов и сведений, которыми оно явно располагает. Европейский Суд поэтому счел, что может сделать соответствующие выводы, исходя из таковых действий государства-ответчика, и рассмотреть дело по существу на основании доводов заявителя и имеющихся в деле материалов, а также на основании свидетельских показаний, которые были даны во время рассмотрения дела в районном суде 30 ноября 2005 г.

В отсутствие материалов расследования у Европейского Суда нет возможности оценить качество произведенных по делу следственных действий. Тем не менее, Суд отмечает ряд недостатков при проведении расследования, в частности: (i) постановления следователей о прекращении производства по делу выявили значительные пробелы в предварительном следствии по делу. Кроме того, неясно, была ли предпринята какая-либо попытка произвести обыск в помещении, где заявитель предположительно подвергался пыткам; (ii) многие следственные действия производились по истечении значительного времени с момента событий, например, заключение судебно-медицинской экспертизы, проведенной в отношении заявителя, датировано числом, отстоящим на пять недель после того, как имело место предположительное жестокое обращение; (iii) до 2000 года постановления о прекращении производства по делу мотивировались почти идентичными доказательствами и основаниями; (iv) существовала явная связь между должностными лицами, отвечающими за расследование, и теми, кто предположительно был замешан в актах жестокого обращения; (v) подход прокуратуры к оценке и сбору доказательств был выборочным и непоследовательным.

Европейский Суд был особенно поражен неточностью по части фактов той части постановления следователя от 21 декабря 1998 г., в которой указывается, что заявитель был освобожден из-под стражи 11 сентября 1998 г., но затем вновь был задержан за нарушение общественного порядка, при том, что к указанной дате уже было официально подтверждено, что в указанное время заявитель уже находился в милиции. Данное обстоятельство таково, что оно дискредитирует состоятельность официального расследования в глазах любого независимого наблюдателя. Кроме того, семь лет заняло у властей довести дело до стадии судебного разбирательства. Предварительное следствие по делу прекращалось и затем возобновлялось более 15 раз, и совершенно ясно, что в определенные периоды времени процесс расследования был не более чем пустой формальностью со вполне предсказуемым результатом. В свете таких недостатков расследование не было адекватным или в достаточной степени эффективным, и поэтому Европейский Суд отклоняет возражения государства-ответчика о неисчерпании заявителем внутригосударственных средств правовой защиты.

Постановление

Европейский Суд пришел к выводу, что по делу допущено нарушение требований статьи 3 Конвенции (вынесено единогласно).

По поводу соблюдения требований статьи 3 Конвенции (что касается вопроса о предположительном жестокое обращении с заявителем). В тех случаях, когда власти заключают под стражу какое-либо лицо, на тот момент имевшего хорошее

здоровье, но при освобождении из-под стражи обнаруживается, что у этого лица имеются телесные повреждения, на государстве возлежит обязанность предоставить убедительное объяснение происхождению этих телесных повреждений. Сторонами по делу не оспаривался тот факт, что заявитель получил телесные повреждения, выпрыгнув из окна здания районного управления внутренних дел. Однако сторонами были выдвинуты различные версии обстоятельств, побудивших заявителя совершить попытку самоубийства. На протяжении всего расследования по делу заявитель давал непротиворечивое и подробное описание того, кто именно и каким образом пытал его. В подтверждение его обвинений имелись также показания свидетелей, а следы укусов на его языке, зафиксированные в заключении судебно-медицинской экспертизы, также могут рассматриваться как косвенно подтверждающие его версию событий. В отсутствие каких-либо доказательств, свидетельствующих об обратном, Европейский Суд пришел к выводу, что у заявителя не было какой-либо психической неполноценности, которая могла бы стать причиной его решения совершать самоубийство. Его поставили в крайне стрессовую ситуацию, неправомерно заподозрив в совершении в совершении такого ужасного преступления. Однако государство-ответчик не представило никаких убедительных объяснений по поводу причин, которые могли побудить заявителя, знавшего, что он невиновен, покончить с собой, если, как заявляет государство-ответчик, давление на него не оказывалось. Кроме того, имеются доказательства, свидетельствующие о том, что и другие задержанные подвергались аналогичному жестокому обращению, или им угрожали таким обращением. Ввиду обстоятельств случившегося Европейский Суд готов допустить, что в период содержания под стражей заявитель подвергался жестокому обращению со стороны представителей государства с целью получения от него признания в совершении преступления или информации о преступлении, в совершении которого он подозревался. Жестокое обращение, которому его подвергли, причинило ему настолько тяжелые физические и психологические страдания, что он совершил попытку самоубийства, следствием которой стала полная и постоянная инвалидность. Уровень жестокости обращения, которому подвергли заявителя, приравнивает такое обращение к пытке.

Постановление

Европейский Суд пришел к выводу, что по делу допущено нарушение требований статьи 3 Конвенции (вынесено единогласно).

По поводу соблюдения требований статьи 13 Конвенции. Заявителю было отказано в достаточно эффективном расследовании по фактам жестокого с ним обращения со стороны сотрудников милиции, а тем самым и в любых иных имеющихся в его распоряжении средств правовой защиты, включая возможности заявить требования о выплате компенсации за причиненный вред.

Постановление

Европейский Суд пришел к выводу, что в данном вопросе по делу допущено нарушение требований статьи 13 Конвенции.

По поводу соблюдения требований статей 34 и 38 Конвенции. Что касается непредставления в Европейский Суд материалов расследования по делу государством-ответчиком, то ввиду выводов, сделанных Судом в контексте статей 3 и 13 Конвенции, нет необходимости рассматривать в отдельности пункты жалобы, связанные с нарушениями требований статей 34 и 38 Конвенции.

Компенсация

В порядке применения статьи 41 Конвенции. Европейский Суд присудил выплатить заявителю компенсацию в размере 130 тысяч евро в возмещение причиненного ему материального ущерба и 120 тысяч евро – в возмещение морального вреда.